

Natalia Żywołupowa

Образ поляка в художественной системе романа Ф. М. Достоевского : проблема национального как культурно-исторического типа поведения

Acta Polono-Ruthenica 1, 29-35

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Natalia Żywołupowa
Niznij Nowgorod

Образ поляка в художественной системе романа Ф.М. Достоевского: проблема национального как культурно-исторического типа поведения

Попытка проанализировать проблему восприятия Достоевским национальных черт какого-либо народа вне контекста его поэтики и эстетики, без учета эволюции его мироориентации и отражения этой эволюции в творчестве может привести лишь к осознанию антиномизма в трактовке проблемы писателем, или, в худшем случае, - к односторонней интерпретации мировоззрения автора как личности, страдающей особой формой ксенофобии.

Национальное для Достоевского - нечто, не всегда поддающееся определению, но тем не менее именно оно является основой для духовного единения народа. Диалектический подход Достоевского к проблеме национального проявляется в том, что, например, „русскость” коренится в уникальных, по его мнению, чертах русского народа, таких, как „всемирная отзывчивость”, что, само по себе, является основой для всемирного единения людей. В наиболее полной форме эта идея проявляется у Достоевского в конце его творчества в знаменитой *Пушкинской речи*. Тем более необъяснимыми являются достаточно резкие характеристики Достоевским представителей других национальностей - французов, немцев, поляков, евреев, - которые довольно часто появляются в тот или иной период его творчества.

Так называемый „польский вопрос” в творчестве Достоевского получает особую сложность как из-за драматических отношений России и Польши, существовавших на протяжении XIX века, свидетелем которых был Достоевский, так и из-за особого положения русского и польского народов в ходе развития европейской цивилизации.

На наш взгляд, правильно интерпретировать высказывания

Достоевского, сделанные в публицистической форме, или оценить смысл национальных характеристик в художественном тексте возможно только при учете трех аспектов проблемы восприятия национального. Первый аспект, наиболее поддающийся логической интерпретации, - это связь мировоззрения писателя с историческими событиями, с историей польского освободительного движения, с фактами биографии Достоевского - описанием типов поляков в *Записках из Мертвого дома*, с историей закрытия журнала „Время” из-за помещенной в нем статьи Н.Н. Страхова *Роковой вопрос*, расцененной в русском обществе как полонифильской и т.д. Непроясненным однако останется ряд конкретных вопросов: почему в художественно-документальной форме *Записок из Мертвого дома* Достоевский дает объективно-доброжелательные характеристики ссыльных поляков Мирецкого, Токаржевского, Богуславского, Жоховского и других и параллельно в художественных текстах мы встречаем пародийную деформацию образа поляка, причем угадывается, что истоки пародийного изображения внеличностны, они лежат не в самом характере конкретного лица, а как бы разыгрываются им по определенному смысловому заданию писателя.

Второй аспект проблемы национального - это бессознательно существующие в культуре восприятия „другого” как чужого и отчасти уже вследствие этого потенциально отчужденного или даже враждебного. Этот аспект восприятия лежит за пределами сознания большинства людей, воспринимающих другую национальность в формах национальных предрассудков своего собственного народа. Несмотря на трудность рационализации подобных явлений, факт их наличия в менталитете того или иного народа не вызывает сомнения. Это хорошо сознавал Достоевский, когда писал о расхождении подлинного национального своеобразия народа и его восприятие со стороны (известно его высказывание, например, о том, что в слове „немец” русский человек с детства привык видеть что-то смешное, что в корне не соответствует духу этой нации). Тем не менее, мы можем увидеть в сатирических произведениях Достоевского, таких, как *Крокодил*, использование художественного приема окарикатуривания „немца” вплоть до передачи неправильностей ломаной русской речи.

Примечательно, что поверхностные характеристики звучания

ломаной русской речи также в известной степени входят в представление о характере той или иной нации (помимо других, более „существенных“). Так, если немецкая ломаная речь (деформация русского языка немцами) воспринимается в художественной системе Достоевского как „смешная“, то „польский русский“ воспринимается как речь горделивая и высокомерная, возможно, благодаря специфичному для польского языка столкновению консонантов. По крайней мере, в последнем романе Достоевского горделивая спесь героя - поляка, вернувшегося простить Грушеньку, построена и материализуется в художественном тексте именно на его польских фразах, транслитерированных в русской орфографии (а не переданных на польском, что в таком случае было бы знаком „иноземности“ героя, или на русском, что в значительной мере нейтрализовало бы характерную определенность пана Муссяловича). Художественный текст воспроизводит в данном случае не научные, объективно-достоверные характеристики, а бытовое восприятие чужого слова.

К сфере бессознательного восприятия национального относится и характеристика поляков как „северных французов“: нейтрально-доброжелательная в статьях Ф. Булгарина, она предстает различно акцентированной в русской культуре XIX века. Это, безусловно, черта русской культуры - видеть в поляках носителей загадочного национального шарма, неотразимо действующего на представителей других национальностей (подобные аспекты „польского вопроса“ мы встречаем в творчестве Пушкина, Гоголя, они подкрепляются известными фактами, романтически трактованными в бытовой культуре эпохи, и связаны с именами Наполеона, Бальзака). Характерно, что в творчестве Достоевского этот факт безусловно обыгрывается в образе героя романа Грушеньки, но „обольститель роковой“ оказывается героем, а не героиней, а Достоевский тщательно развенчивает перед читателем романтические иллюзии героини, так что герой оказывается кем-то вроде оборотня, даже недостойным называться гордым именем поляка („не поляк“, по наблюдению Мити, „селезень, а не сокол“, по заключению Грушеньки). Тем не менее, общий контекст сцены с поляками оказывается сугубо положительным: это анекдоты о том, как русская гвардия в 20-х годах „вся переженилась на поляках“, и хвастовство

Максимова о том, что он был женат на польке. Безусловным в этом аспекте национального восприятия является лишь сознание волнующей двойственности польской нации, скрытого антиномизма родного и чужого, что в определенный момент может встраиваться в художественную систему произведения, порождая ряд сюжетных мотивов, отчасти уже упомянутых выше.

Третий аспект проблемы наиболее важный, на наш взгляд, и в наибольшей степени требующий исследования, - это исследование проблемы национального в плане поэтики, с точки зрения внутренних закономерностей развития художественных форм в сознании Достоевского. Понятно, что этот аспект может быть исследован как в наименьшей степени обусловленный ходом культурного развития, совокупностью исторических фактов, но в большей степени субъективно-авторскими представлениями писателя о мире, его размышлениями о ходе мировой истории, с рефлексией исторического пути России и в этом плане - осмыслением взаимодействия того типа сознания, который представляют русские, с человеческой общностью, которая у Достоевского предстает как символ „цивилизации”. Основной объект исследования у Достоевского - именно русские, причем, по большей части, исследование феномена „русскости” лишено у Достоевского налета патриотических пристрастий и какой-либо комплиментарности. Богатство содержания, которое усматривает Достоевский в русской духовной жизни, в определенный период творчества рассматривается им как причина „неоформленности”, хаотичности проявлений национального самосознания в эмпирической действительности, в этом контексте - „страстность и огромная широкость” не являются безусловно положительными характеристиками, хотя само представление о хаотичности духовных проявлений чревато созданием будущей гармонии (ряд виртуальных сюжетов в романах Достоевского, не воплощенных однако в сюжетной прагматике).

При таком подходе к понятию национального самосознания русских другие национальности предстают как в той или иной степени обладающие внешней оформленностью (в какой-то степени это и есть знак их цивилизованности). В ходе исторического развития национальности, составляющие в представлении Достоевского западную цивилизацию, получают каждая ту или иную форму,

которая может быть оценена как обладающая положительным или отрицательным достоинством. К началу 60-х годов эти национальные „маркеры” получают наибольшую, часто шаржированную определенность. Причем красота формы далеко не всегда является свидетельством положительной ценности. Так, в *Зимних заметках о летних впечатлениях* в иронически трансформированном виде предстает французская ментальность как перелитое в ряд отточенных и красивых форм несложное содержание, сводимое к идее материального преуспевания и духовной потребности в условно красивых расхожих формах этического поведения (которые Достоевский именуется термином „неизъяснимое благородство”). В противоположность французам англичане не обладают красивыми формами духовных проявлений, но за внешней невыигрышностью и невзрачностью Достоевский предполагает достаточно глубокое духовное содержание.

В определенный момент движение идеи „национального” в художественном сознании Достоевского приводит его к созданию моделей типов культурно-исторического поведения, базирующихся на тех формально-содержательных комплексах идей, которые и представляют для него понятие француза, англичанина, немца и русского. Более того, эти представления обуславливали поэтику произведений 60-х годов: *Записки из подполья* - изображение типично русской духовности, подпольный парадоксалист - „русский большинства”, его сознание не поддается какому-либо оформлению, какому-либо „овнешняющему определению” (М.М. Бахтин), движение его мысли уходит в дурную бесконечность; роман *Игрок* выстроен на противопоставлении различных типов культурно-исторического поведения, национальное выступает как нечто неизменное, почти „прозрачная маска” на лице героя - тип „заграничного русского” противопоставлен соблазнительям французам (Де-Грие и Бланш) и добродетельному застенчивому англичанину (мистер Астлей). Интересно, что фабульное завершение *Игрока* предопределено заранее расставленными смысловыми акцентами.

Поляки исследуются Достоевским, как упоминалось, в *Записках из Мертвого дома*, самый жанр которых исключает игровое пародирование типа национального поведения. Осмысление Достоевским духовных типов личности ссыльных поляков проявляет в них

черты, родственные „русскому большинству”, каким он увидится писателю в 1864 году. В известной VIII главе „Товарищи” встречаем подтверждающие нашу мысль характеристики: о Мирецком - „А между тем это была душа, страдающая именно этой двойственностью: скептицизма и глубокого, ничем непоколебимого верования в некоторые свои особые убеждения и надежды”; о Богуславском - „Славный он был человек; но убеждения его иногда были очень странные, исключительные. Часто у некоторого разряда людей, очень умных, устанавливаются иногда совершенно парадоксальные понятия. Но за них столько было в жизни выстрадано, такую дорогою ценою они достались, что оторваться от них уже слишком больно, почти невозможно.”

Но именно вследствие этого духовного родства тип поляка осмысливается Достоевским как во многом трагический, страдательно-жертвенный, когда рефлексия Достоевского над ходом исторического процесса приводит его к отрицанию благ западной цивилизации. В ответе редакции „Времени” на нападки „Московских ведомостей” Достоевский достигает максимальной резкости в оценке влияния западной цивилизации на Польшу, в которой „может быть, именно, потому что поляки славяне” европейская цивилизация „развила антинародный, антигражданственный, антихристианский дух”.

Безусловно, в основе негативной эволюции в отношении Достоевского к типу поляка определенная роль принадлежит конфессиональной разъединенности поляков и русских и в нарастании отрицания Достоевским как идей, так и духовной практики католичества. На наш взгляд, это во многом вызвано публикацией Syllabusa в 1864 году и, возможно, оценкой Syllabusa, данной ему Уильямом Гладстоном, мнение которого (по другим вопросам) вызывает у Достоевского чувство уважения и доверия. В оценке католицизма на первый план выходят этические понятия, возражения Достоевского вызывает принятие догмата о непогрешимости папы, в этике католицизма Достоевский видит подмену идеи богочеловечности идеей человекобожества, того греха гордыни, который лежит в основе всякого имморализма. Поэтому в последнем романе мы видим два этических полюса, на которых строится движение сюжета в романе: один полюс представляет Зосима,

Алеша, Митя и Грушенька, другой - Великий Инквизитор, Иван и соблазнитель Грушеньки Муссялович вкупе с паном Врублевским.

Соблазнитель Грушеньки в сниженном бытовом виде представляет прокламируемый Иваном имморализм и грех гордыни, объединяющий героев этой группы. Примечательно, что герой является парафразой „русского большинства”, универсального типа „подпольного парадоксалиста” *Затисок из подполья*, который готов простить и поднять до своего уровня блудницу Лизу. Гордыня пана Муссяловича позволяет ему „простить” соблазненную и покинутую им Грушеньку. Мелодраматизм ситуации снимается Достоевским и в том и другом случае парадоксальным предпочтением блудницы прощающему ее герою; ситуация трактуется и в том и в другом случае как трагифарсовая, комическое, в конце концов, преобладает, разрушая этическую безысходность. Но главное - в том и в другом случае восстанавливается в пародийном виде евангельская прото-ситуация - „Христос - блудница”, просвечивающая светом истины ложь греховной гордыни героя.